

После вооруженного конфликта: восстановление разрушенного и реинтеграция общества как элементы построения мира

Мартина Фишер

www.berghof-handbook.net

Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •
Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict
Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention • Development Cooperation •
Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding
• Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation
• Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •

После вооруженного конфликта: восстановление разрушенного и реинтеграция общества как элементы построения мира

Мартина Фишер

1. Введение

В последнее десятилетие XX в. 43 страны считались государствами, где прошли вооруженные конфликты. По большей части там шли внутригосударственные и гражданские войны, и большинство этих стран, согласно классификации Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), относится к категории беднейших или “менее развитых”. Весьма значительная доля конфликтов пришлась на африканский континент. Международное сообщество выделило более 100 млрд долларов в качестве помощи подорванным войной обществам (*Forman, Patrick, Salomons, 2000. P. 1*). Эти деньги предназначались для построения инфраструктуры, для содействия сторонам в выборе ненасильственного пути разрешения конфликта и для помощи в экономическом развитии и установлении демократического правления с участием граждан.

Эксперты и политические акторы утверждают, что в прошлом международные агентства зачастую слишком узко понимали стоявшие перед ними задачи, сводя свою деятельность к техническому восстановлению разрушений после вооруженного конфликта. Требуется выработка более широких концепций поддержки сложного и долгосрочного процесса перехода от войны к миру. В данной главе рассматриваются те разнообразные проблемы, которые необходимо решить для успешного восстановления мира и предотвращения новых конфликтов. Затрагиваются также некоторые моменты напряженности и возникающие в ходе работы дилеммы.

Во втором разделе главы обсуждаются используемые термины и понятия и предлагаются общие принципы работы по постконфликтному восстановлению в период перехода от войны к миру. В третьем разделе анализируются структурные предпосылки возрождения и поддержания прочного мира, включая проблему координации принципов и стратегий различных участников процесса. Четвертый раздел посвящен программам реинтеграции беженцев, вынужденных переселенцев и бывших участников боевых действий, с привлечением, в качестве основного примера, опыта Боснии-Герцеговины. В пятом разделе рассматриваются некоторые подходы к выработке оптимальных форм внешнего вмешательства в конфликт, в том числе вопросы учета потребностей местного населения, потенциала женщин и характера гендерных отношений в конкретных культурных контекстах. Последний раздел касается вопросов пока остающихся не решенными и дилемм, возникающих в ходе восстановительного процесса.

2. Термины и понятия

Для описания задач гуманитарной помощи и работы по развитию в период после вооруженного конфликта употребляется множество терминов: реконструкция, восстановление, реабилитация, репатриация, реинтеграция и т.п. В конце 1990-х годов международные агентства начали связывать эти термины с прилагательным “постконфликтный”, подчеркивая тем самым, что только после прекращения воен-

ных действий и упрочения мирной ситуации можно переходить от поставки гуманитарной помощи к мерам по нормализации жизни и поощрять скорейшее возвращение беженцев. Форман и Саломонс (*Forman, Patrick, Salomons*, 2000. Р. 2) определяют постконфликтный период как “период, когда масштаб военных действий снизился до уровня, позволяющего начать работу по реинтеграции и восстановлению. Во многих случаях признаком наступления этого периода может служить начавшееся возвращение беженцев и вынужденных переселенцев. Под такое определение подпадает целый спектр постконфликтных сценариев – от вялотекущих военных действий и хрупкого перемирия до полного урегулирования конфликта”.

Самое тяжкое наследие вооруженных конфликтов – это милитаризация общественной жизни, политики и экономики, а также глубокая психическая травмирование отдельных людей и целых общин. Именно поэтому в опубликованном “Каритас Сюисс” меморандуме (2000. Р. 83) применение терминов “реконструкция” и “реабилитация” подвергается сомнению: они подразумевают главным образом устранение физического ущерба, нанесенного конфликтом, и заставляют думать, что главное – это вернуть обществу довоенное состояние. На самом же деле необходимо разбираться с причинами конфликта. Такого мнения, наряду с другими активными участниками мирного процесса в Северной Ирландии, придерживается, например, Мари Фитцдуфф. Вместо реконструкции и реабилитации она предлагает говорить о “работе после достижения соглашения” и о “работе по установлению мира после урегулирования конфликта” (см. бокс 1).

Бокс 1: Взгляд из Северной Ирландии

В Северной Ирландии мы спорим о терминах. Термин “реконструкция” в здешней ситуации не годится, потому что он отражает ностальгию одной из сторон конфликта по временам, когда не было прямого насилия, но когда другая сторона страдала от насилия структурного...

Термин “реконструкция” подразумевает, что общество восстанавливается в том состоянии, в каком оно пребывало до конфликта... Современные конфликты по большей части – внутринациональные, и вызваны они неспособностью или нежеланием государств обеспечивать справедливое решение структурных, политических и экономических вопросов, одинаково важных для всех групп граждан. Говорить о восстановлении после урегулирования конфликта – значит говорить о возвращении к прошлому, где действовали те самые факторы, которые и вызвали конфликт. Возможно, самым адекватным термином будет “работа после урегулирования конфликта” или “работа после достижения соглашения”.

Не следует употреблять и термин “постконфликтный”. Конфликты в действительности никогда не заканчиваются – они видоизменяются. Более всего мы стремимся к такому изменению, которое можно определить как переход от конфликта к политике, т.е. к преодолению враждебности мирными средствами, что постепенно приведет к снижению уровня насилия и развитию взаимодействия сторон, и, как следствие, к росту уважения и доверия между разными частями общества.

Можно было бы говорить о ситуации “постнасилия”, но дело в том, что насилие часто продолжает проявляться мелкими вспышками; как я говорю, конфликты заканчиваются не по звуку гонга – обычно просто плач становится все тише и тише... Поэтому лучше, может быть, говорить о “работе после достижения соглашения” или о “работе после урегулирования”: например, “политическая, экономическая и социальная работа, начинающаяся вслед за урегулированием конфликта”.

Источник: Интервью с Мари Фитцдуфф (в то время – директором одного из отделений Университета Ольстера, Северная Ирландия), июль 2003 г.

Однако опыт работы в некоторых зонах конфликта показывает, что термин “реконструкция” иногда бывает полезным. Его можно понимать в смысле моральной попытки исправить зло и несправедливость, причиненные жертвам насилия, о чем говорит Норберт Роперс в связи с идущей ныне в Шри Ланке миротворческой и социальной работой (см. бокс 2).

Бокс 2: Взгляд из Шри Ланки

“Реконструкция” и две другие “ре-”, часто называемые теперь “Три Ре-” (к которым иногда прибавляют еще “реконсалиацию”), подвергаются критике как термины, потому что их смысл подразумевает возможность возврата общества к довоенной ситуации, а именно в существовавшей в то время социально-политической системе коренятся основные причины разразившегося конфликта – таков главный аргумент критики. Это, безусловно, верно в отношении многих конфликтных регионов. Но не надо считать, что это “ре-” несет лишь технический смысл, и отбрасывать моральное значение термина, подразумевающее попытку исправить зло, причиненное жертвам насилия, разрушений и изгнания. Если отказаться от идеи реконструкции, то это может быть понято как отказ от права на возвращение, поселение на прежнем месте и восстановление домов и источников существования для всех тех, кто пострадал от войны. Термин “постконфликтная реконструкция (восстановление)” должен быть сохранен именно ради его этического смысла. Так, по крайней мере, думают во многих регионах, где конфликтами охвачены обширные территории.

Источник: Интервью с Норбертом Роперсом, директором Ресурсной сети по изучению и трансформации конфликтов. Коломбо, июль 2003 г.

М. Пью (*Pugh*, 2000. Р. 2) предлагает термин “регенерация” или “мирная регенерация”. По его мнению, регенерация означает процесс самостоятельного восстановления, тогда как слово “реабилитация” из-за своих ассоциаций заставляет думать о так называемых потерпевших или виновных как о людях, для которых что-то делается только из сострадания. Автор определяет мирную регенерацию как “процесс социальной, политической и экономической “настройки” и одновременно – укрепления условий относительного мира, при котором участники, и не в последнюю очередь те, кого конфликт лишил имущества или каких-то возможностей, уже смогут ставить себе на будущее не только цель простого выживания”. Кроме того, он выступает в поддержку концепции “миростроительства”, которую выдвинул исследователь проблем мира Йохан Галтунг (*Galtung*, 1976), и которой бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали дал новую жизнь. В своей книге “Повестка дня для мира” Гали писал о том, что послевоенное восстановление включает в себя значительно больше, чем просто ремонт разрушенной инфраструктуры и материальных объектов. Он призывал граждан действовать сообща, чтобы “укрепить и упрочить мир и избежать возобновления конфликта” и чтобы “поддержать в обществе чувство уверенности и безопасности” (*Ghali*, 1991. Р. 21). Вслед за Пью мы можем определить миростроительство как “работу по укреплению тех структур и процессов, которые способны предотвратить возврат к вооруженному конфликту”. В этом смысле построение мира и регенерация пересекаются с идущим одновременно процессом оказания гуманитарной помощи и помощи развитию. Такой взгляд принят повсеместно (*Matthies*, 2000. Р. 105; *Miall, Ramsbotham, Woodhouse*, 1999).

Несмотря на очень широкие расхождения мнений ученых и практиков по поводу терминов, все понимают, что обществу, подорванному войной, требуется фунда-

ментальная трансформация. Только занявшись политическими, социальными, психологическими и экономическими причинами, а также последствиями вооруженного конфликта, можно надеяться на предотвращение нового насилия и установление жизнеспособного мира. Это значит, что нужно поставить и решить множество разнообразных задач, используя при этом многомерные подходы.

2.1. Многомерные подходы

Многие авторы считают *политическое обновление* самым важным условием для разрешения тех конфликтов интересов, которые послужили одной из причин войны. Необходимо создать общественные и юридические институты, которые обеспечили бы однозначность толкования законов и демократическое участие населения в управлении (т.е. “высококачественное” правление), расследовали бы случаи нарушения прав человека и реформировали бы и/или демонтировали аппарат насилия. Если политические структуры разрушены полностью, они в случае необходимости могут и должны быть на переходный период заменены международными организациями.

Цель *социального обновления*, помимо восстановления жилья, инфраструктуры и системы здравоохранения, – это создание структур гражданского общества и содействие социальной реинтеграции бывших комбатантов и возвращению беженцев и вынужденных переселенцев.

С этой точки зрения чрезвычайно важен психосоциальный или психологический аспект работы, в частности, преодоление психических травм и достижение примирения на индивидуальном и межгрупповом уровне, а также помощь в восстановлении личных идентичностей (*Miall, Ramsbotham, Woodhouse, 1999. P. 203*). Ключевое значение имеет также и то, как общество относится к недавнему прошлому: для того чтобы жертвы насилия и изгнанники почувствовали моральное удовлетворение, преступники должны в конце концов предстать перед судом и получить по заслугам (см. главу Гуннара Тайссена в этом издании).

Главное содержание *экономического обновления* – это (наряду с восстановлением транспорта, связи, электро- и водоснабжения, сельского хозяйства) демонтаж военной экономики и “преобразование грабительской и мародерской экономики в экономику мирного времени” (*Caritas, 2000. P. 86*). Необходимо развитие макроэкономики и создание рабочих мест – не только для обеспечения общества товарами широкого потребления и услугами, но и для установления психосоциальной стабильности. Однако, как правило, военная экономика (ее практика или структуры, например, черные рынки или мафиозные объединения) продолжает доминировать в обществе еще долго после окончания военных действий. Образуется порочный круг, ибо подобные явления могут серьезно отпугнуть инвесторов. Многие постконфликтные регионы – Балканы, Кавказ и др. – стоят и еще перед одной задачей: кроме последствий войны, они должны справиться с последствиями социалистического планирования экономики. Важнейшей целью постконфликтного восстановления должно быть поэтому не только демонтажирование военной экономики, но и преодоление “наследия монокультурного индустриального развития, централизованного бюрократического планирования и управления, а также приобретение опыта в бизнесе” (*Caritas, 2000. P. 87*).

Еще одна важная проблема – как разработать стратегию восстановления таким образом, чтобы она способствовала бы искоренению культуры насилия. Между бывшими противниками могут быть подписаны мирные соглашения, но вопросы власти и личные интересы, из-за которых возникают конфликты, все равно никуда не исчезают. Жизнь показывает, что насилие может “тлеть” в обществе

или продолжаться в отдельных местностях, или время от времени вновь охватывать всю страну. Когда вооруженный конфликт идет долго, военные союзы имеют тенденцию создавать структуры, заинтересованные в бесконечном затягивании такой ситуации (Ropers, 2000). В их число входят некоторые сектора вооруженных сил и служб безопасности, торговцы оружием, землевладельцы, капиталисты и политики, пользующиеся привилегиями, а также группы и отдельные лица, имеющие возможность использовать слабость государства в целях ведения нелегального бизнеса (Berdal, Malone, 2000). Возникает культура насилия, между разными частями общества появляется враждебность. Поэтому международные агентства даже при решении неотложных проблем гражданских лиц, пострадавших в конфликте, должны так составлять пакеты программ помощи, чтобы они служили стимулом для применения ненасильственных методов при отстаивании сторонами своих интересов, регулировании и разрешении конфликтов (Forman, Patrick, Salomons, 2000. P. 14; см. бокс 3).

Бокс 3: Основные задачи периода перехода от войны к миру

Трансформация культуры насилия

Введение традиции грамотного правления, в том числе уважения к демократии и правам человека и развитие гражданского общества

Исцеление психосоциальных травм и долгосрочное примирение

Интеграция в региональные и глобальные структуры взаимовыгодного сотрудничества

Приведение к равновесию стабильных долгосрочных макроэкономических стратегий и приемов управления и целей устойчивого развития общин на местах

Источник: Miall, Ramsbotham, Woodhouse, 1999. P. 203.

Ряд ученых отмечает, что восстановление после вооруженного конфликта и достижение прочного мира – это весьма длительный процесс, который еще усложняется и затягивается, если с окончанием войны начинается период национал-реконструкции со всеми его проблемами (Perthes, 2000. P. 452 ff.; Ferdowsi, Matthies, 2003. P. 322). Фердоуси и Маттиес на основании своих исследований в странах пяти континентов (в Боснии, Северной Ирландии, Ливане, Израиле/Палестине, Вьетнаме, Камбодже, Бугенвиле, на Соломоновых островах, в Сомали, Анголе, Мозамбике, Никарагуа, Сальвадоре, Гватемале) приходят к выводу о сходстве процессов регенерации во всех этих регионах (Ferdowsi, Matthies, 2003. P. 326 ff.).

Почти всюду было обеспечено подчинение военных гражданским властям и принятие конституций с элементами демократии, но основополагающие вопросы – вопросы социальной справедливости – остались нерешенными. Очевидно, что в ходе выработки мирных соглашений и соответствующих переговоров преодоление социального неравенства не стояло в списке приоритетных проблем, каковыми считались другие задачи. Не были разработаны также и механизмы реформирования, в частности, правовой системы и принципы конструктивного отношения к прошлому. Ни в одном случае не была создана эффективная судебная система, которая могла бы контролировать государственную администрацию и гарантировать реальное разделение полномочий.

И все же работа в четырех странах – Ливане, Сомалиленде, Бугенвиле и Мозамбике – считается примером (относительного) успеха. В других случаях мы говорим о неудаче (Сомали, Ангола, Палестина и Соломоновы острова), либо, по меньшей мере, о весьма проблематичных результатах (в остальных названных странах).

На основе изученного материала Фердоуси и Маттиес суммируют те общие предпосылки, которые могут обеспечить положительные результаты постконфликтного восстановления и построения мира (Ibid. P. 350 и далее). По их мнению, необходимы:

- включение в процесс всех значимых заинтересованных лиц, особенно представителей конкурирующих элит;
- решение проблем безопасности (сокращение и реформирование вооруженных сил и полиции, гарантированный политический контроль над ними и установление государственной монополии на применение силы и на обеспечение общественной безопасности);
- реконструкция или обновление политической системы и администрации; создание легитимного правительства и механизмов разделения властей;
- наращивание взаимного доверия, способности к диалогу и уступкам и готовности к миру всех воевавших сторон;
- распространение процесса “сверху вниз” на все уровни государственных структур и общества, чтобы он сомкнулся с движением “снизу вверх”: поддержка гражданского общества является важным условием одобрения мирного процесса и содействия ему со стороны населения;
- создание социально-экономической базы для мирного процесса: реинтеграция жертв войны, гарантирование им доступа к продовольствию, здравоохранению и образованию, наращивание доверия к местным общинным организациям, трансформация военной экономики в мирную и инвестиции в человеческие ресурсы обществ, подорванных войной;
- уважение принципов, норм и институтов, связанных с историей и культурой пострадавших от войн обществ, когда это способствует достижению согласия.

Внешние акторы должны учитывать эти принципы, и, более того, они должны быть готовы к долгосрочной работе, направленной на поддержку структурных изменений.

3. Структурные предпосылки успешного восстановления и построения мира

Общество, как только в нем наметится завершение вооруженного конфликта, должно немедленно приступить к решению нескольких вопросов важных с точки зрения “подготовки почвы” для прочного мира и экономического развития. Сюда входят:

- 1) репатриация и возвращение людей на прежние места жительства;
- 2) обеспечение общественной безопасности;
- 3) восстановление инфраструктуры;
- 4) восстановление сельского хозяйства и обеспечение продовольственной безопасности;
- 5) обеспечение потребностей в сферах здравоохранения, образования и социальной защиты;
- 6) организация управления и формирование гражданского общества;
- 7) макроэкономическая стабилизация.

Эти вопросы можно начинать решать на разных стадиях конфликта, которых может быть четыре: кризис, посткризисная ситуация (до урегулирования конфликта), ситуация после урегулирования и, наконец, стадия долгосрочного восстановления (см. табл. 1).

Таблица 1: Важнейшие меры по восстановлению общества после конфликта

Сектор/Меры	Кризис	Начало принятия мер После кризиса (до урегулирования)	После урегулирования	Долгосрочная реконструкция
<p>1. Репатриация и расселение</p> <p>1.1. Помощь с транспортом для возвращения</p> <p>1.2. Временное жилье и помощь со строительными материалами</p> <p>1.3. Примирение в общине и психологическое консультирование</p> <p>1.4. Поиск пропавших членов семьи и воссоединение</p> <p>1.5. Решение имущественных споров</p>	<p>X</p>	<p>X</p> <p>X</p>	<p>X</p>	
<p>2. Общественная безопасность</p> <p>2.1. Обезвреживание мин и предупреждение населения</p> <p>2.2. Демобилизация: реинтеграция и проект альтернативной занятости</p> <p>2.3. Контроль/выкуп стрелкового оружия</p> <p>2.4. Реформа/переобучение сил безопасности (полицей, вооруженных сил, полуголовных формирований, разведки)</p> <p>2.5. Мониторинг соблюдения прав человека</p> <p>2.6. Тренинги по предотвращению и урегулированию</p>	<p>X</p>	<p>X</p> <p>X</p> <p>X</p>	<p>X</p>	
<p>3. Восстановление инфраструктуры</p> <p>3.1. Водопровод и канализация</p> <p>3.2. Транспорт</p> <p>3.3. Электроэнергия</p> <p>3.4. Жилье</p> <p>3.5. Уничтожение твердого мусора</p> <p>3.6. Телекоммуникации</p>	<p>X</p>	<p>X</p> <p>X</p> <p>X</p> <p>X</p>	<p>X</p>	
<p>4. Продовольственная безопасность и восстановление сельского хозяйства</p> <p>4.1. Целевое распределение продовольствия</p> <p>4.2. Раздача семян и с/х орудий</p> <p>4.3. Проекты по крупному рогатому скоту/ветеринарии</p> <p>4.4. Планирование землепользования</p> <p>4.5. Вопросы землеустройства</p>	<p>X</p>	<p>X</p> <p>X</p>	<p>X</p>	

Таблица 1 (окончание)

Сектор/Меры	Кризис	Начало принятия мер После кризиса (до урегулирования)	После урегулирования	Долгосрочная реконструкция
5. Здравоохранение, образование и социальное обеспечение 5.1. Базовые медицинские услуги 5.2. Восстановление учреждения здравоохранения: ремонт/материальная помощь 5.3. Укрепление сферы общественного здравоохранения и планирование приоритетов 5.4. Восстановление (и реинтеграция) учреждений образования 5.5. Профессиональное обучение, занятость, в т.ч. проекты "пища в обмен на труд" 5.6. Микрокредиты 5.7. Развитие мелкого бизнеса 5.8. Производство товаров первой необходимости	X	X	X	
6. Управление и гражданское общество 6.1. Администрация и текущие расходы 6.2. Восстановление/реформа государственной службы 6.3. Укрепление неправительственных организаций 6.4. Институты выборов и выборный процесс 6.5. Просвещение избирателей и вовлечение их в выборный процесс 6.6. Мониторинг выборов 6.7. Тренинги свободных средств массовой информации и адвокатская поддержка 6.8. Реформа судебной системы 6.9. Гражданский контроль и мониторинг сил безопасности			X X X	X X X
7. Макроэкономическая стабилизация 7.1. Стабилизация национальной валюты 7.2. Восстановление финансовых институтов 7.3. Облегчение долгового бремени и выплата дивидендов			X X	X X
<i>Источник: Fortan, Patrick, Salomons, 2000, P. 57.</i>				

В рамках данной схемы большая часть названных проблем начинает решаться на посткризисном этапе, но даже и на “горячей” стадии конфликта можно проводить мониторинг соблюдения прав человека, раздачу пищи и воды, предоставление базовых медицинских услуг. Некоторые мероприятия можно начинать еще *до урегулирования* конфликта (предоставление транспорта, крова и психологической помощи возвращающимся беженцам и вынужденным переселенцам, поиски потерявшихся членов семей, разминирование местности, тренинги по разрешению конфликтов, восстановление транспортной системы, энергоснабжения и телекоммуникаций, уничтожение мусора и отходов, раздачу семенного материала и с/х орудий, ветеринарная помощь, восстановление медицинских учреждений, профессиональное обучение и тренинги по поиску работы). Для всего остального необходимым условием является *урегулирование* конфликта, ибо это в основном долгосрочные задачи – реформа общественных служб, администрации и судебной-правовой системы, а также мониторинг этих сфер, восстановление финансовых институтов. В целом, требуется как удовлетворять непосредственные нужды населения (через гуманитарную помощь), так и запускать долгосрочный процесс социального, политического и экономического обновления (развития).

Период перехода от войны к миру характеризуется обстановкой неустойчивой безопасности, на фоне которой он еще осложняется рядом социально-экономических, политических и психологических проблем. Общепринятые ныне меры воздействия на них считаются неадекватными из-за различий в подходах, в системах организации и финансирования у разных акторов. В докладе Мирового банка сказано: “Гуманитарная помощь часто бывает лишь краткосрочной, доноров не интересует переходный период. Гуманитарная деятельность и помощь развитию плохо отвечают потребностям реальных обществ, где мир бывает так хрупок, а насилие так не хочет сдавать свои позиции, что порой трудно провести грань между “конфликтом” и “постконфликтным” периодом. Гуманитарные операции планируются на короткие сроки и нацелены на быструю отдачу, а агентства помощи не отличаются оперативностью и гибкостью. Организации гуманитарной помощи и помощи развитию больше озабочены формальным выполнением своей миссии, а не удовлетворением реальных нужд людей, пострадавших от войн. Эти организации практически не используют знания и опыт друг друга, что могло бы повысить эффективность их работы. Чтобы поправить это положение, многосторонним и двусторонним институтам надо лучше согласовывать свои стратегии и конкретные операции” (*Coletta, Cullen, 2000. P. 120*).

В сфере постконфликтного восстановления действуют многие агентства (см. “Полезные ссылки” в списке литературы), и вопрос заключается в том, как наиболее эффективным образом связать и скоординировать их работу.

3.1. Интеграция гуманитарной помощи и развития как политический проект

До начала 1990-х годов гуманитарная помощь и развитие были в целом отдельными концептуальными, институциональными и организационными сферами. В лучшем случае предпринимались попытки объединить их в хронологическую цепь: сначала гуманитарная помощь, затем реконструкция, затем развитие. В соответствии с такой моделью, помощь развитию в период эскалации конфликта приостанавливается и замещается сначала гуманитарной помощью, затем, по прекращении огня, – реабилитацией, после чего, в последней фазе этого цикла, возобновляется помощь развитию. Все это осуществляется в ходе конфликта разными агентствами или раз-

ными подразделениями тех или иных организаций, причем многие международные организации в регионе конфликта на стадиях гуманитарной помощи и реабилитации работают самостоятельно, тогда как организации помощи развитию гораздо больше нацелены на партнерство (Caritas, 2000. P. 82).

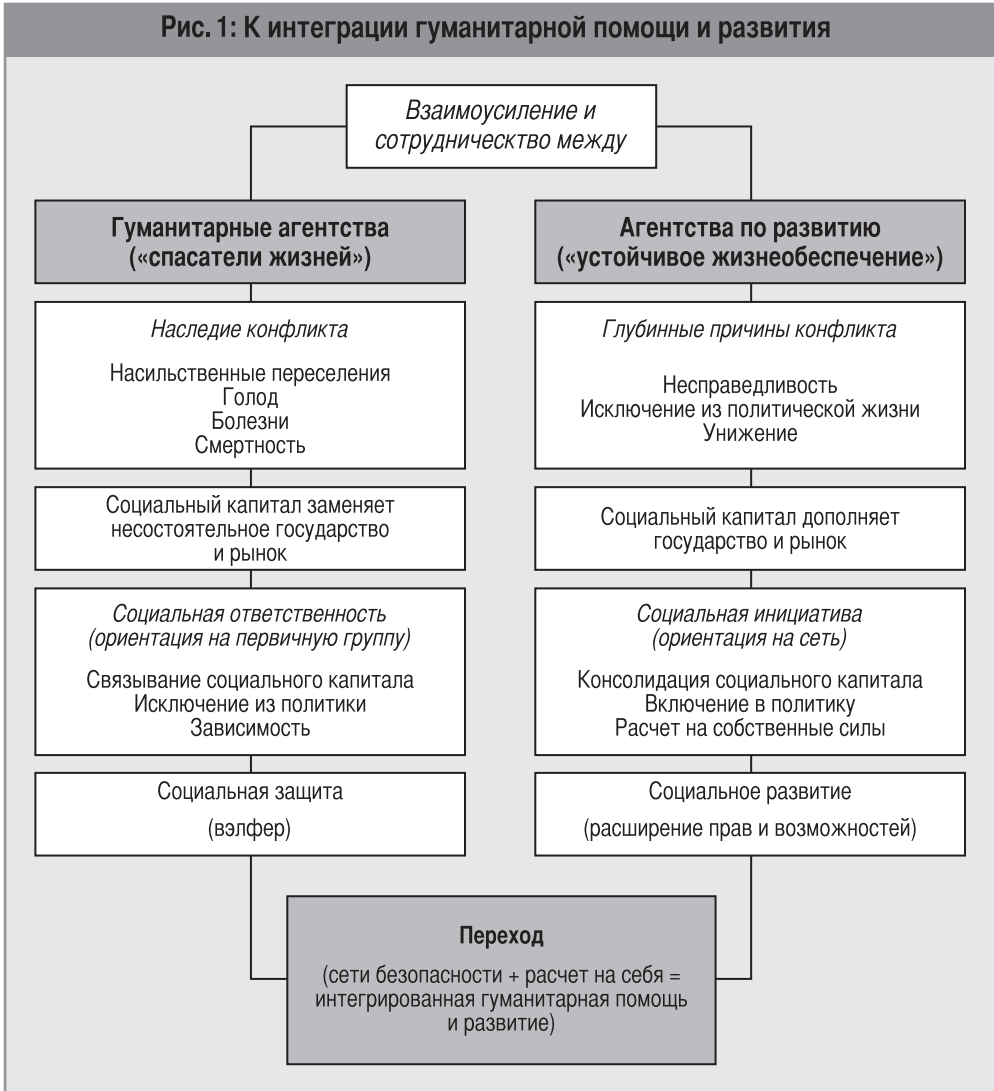
Генерал Бутрос Гали в своей “Повестке дня для мира” (1994) писал – в духе своих идей относительно условий мирной консолидации, – что в посткризисной ситуации требуются иные, чем в мирное время, стратегии развития и что эти стратегии надо начинать применять еще до окончания боевых действий, в качестве подготовки к постконфликтной фазе. Также не следует гуманитарную помощь и помощь развитию рассматривать как взаимоисключающие виды помощи. Данные исследования, проведенного Центром международного сотрудничества Нью-Йоркского университета, говорят о том же: нет простого “континуума”, связывающего гуманитарную помощь, помощь восстановлению и помощь развитию, – скорее в ситуации кризиса эти вещи перекрывают друг друга во времени и пространстве (Forman, Patrick, Salomons, 2000. P. 23).

К такому же мнению пришли и многие агентства гуманитарной помощи и организации по развитию. Они подвергают критике функциональное деление своей работы по концептуальному, хронологическому или “секторному” признаку и утверждают, что многосекторный подход необходим на всех стадиях вооруженного конфликта (гражданской войны). За 1990-е годы модель континуума постоянно расширялась и включила в себя “контигуумный” подход или “подход по смежности”: разделение гуманитарной помощи и развития на отдельные стадии уступило место модели, в которой эти два элемента объединены во времени и интегрированы. Работа по оказанию гуманитарной помощи с самого начала становится частью долгосрочного, ориентированного на развитие холистического подхода, который остается в силе на протяжении всего конфликта (см. Development Assistance Committee of the Organization for Economic Development and Cooperation, 1998. P. 48).

Такой подход приняли на вооружение некоторые агентства по развитию. В конце 1990-х годов немецкое Общество технического сотрудничества (Deutsche Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit, далее – GTZ), например, разработало концепцию “ориентированной на развитие гуманитарной помощи”, призванную содействовать – через оказание помощи и реабилитации – созданию социальных структур на местном уровне и облегчать переход от периода кризиса к периоду долгосрочного развития (GTZ, 1998).

Не так давно Мировой банк, Верховный комиссариат ООН по делам беженцев и программа ООН по развитию инициировали совместную программу в целях преодоления разрыва между краткосрочной гуманитарной помощью и долгосрочным развитием, и мерами по построению мира.

В рис. 1 предлагаются возможные взаимоусиливающие комбинации партнерства между гуманитарными организациями и агентствами помощи и показывается, что объединение социального капитала и соответствующей гуманитарной помощи помогает изживанию последствий конфликта (таких, как вынужденные переселения граждан, голод, болезни, смертность), а социальное и экономическое развитие, которое в принципе способствует консолидации социального капитала, воздействует на глубинные причины конфликта (несправедливость, отстранение от участия в политике, пренебрежительное отношение). В соответствии с данной концепцией, ключевой задачей организаций гуманитарной помощи и агентств по развитию является связывание (горизонтальное и вертикальное) социального капитала как внутри общин, так и между государством и гражданским обществом в ходе предоставления гуманитарной помощи и восстановления.

Между тем многие организации помощи пришли к пониманию построения мира как общей цели гуманитарной помощи и помощи развитию и стали интегрировать в свою работу меры по трансформации конфликта и построению мира. “Каритас Сюисс” выработал перечень некоторых “Основополагающих принципов стратегии развития ради упрочения мира”, где отмечается, что организации и их партнеры на местах могут стать ключевыми агентствами многотрековой дипломатии, интегрируя в своей деятельности цели демократизации, мониторинг соблюдения прав человека, проведение встреч для свободного обмена мнениями, просвещение по вопросам мира, а также помогая создавать мирные альянсы (Caritas, 2000. P. 799). Программы развития, наряду с работой над структурными причинами конфликтов, должны предусматривать меры по обновлению общественных отношений, наращиванию доверия и поощрению диалога.

3.2. Координация процедур финансирования

Сотрудники Центра международного сотрудничества пишут об острой необходимости всеобъемлющей концепции, которая скоординировала бы усилия многосторонних и двусторонних организаций, региональных агентств и неправительственных организаций (*Forman, Patrick, Salomons, 2000. P. 34*). Они настаивают также на реформировании системы финансирования, ибо повсеместно обнаруживается, что из многих миллиардов долларов, которые международное сообщество предоставило в помощь трем десяткам стран в 1990-х годах, далеко не все деньги пошли на ликвидацию последствий конфликтов. Значительная доля этих целевых ресурсов так и не была освоена или осваивалась очень медленно.

На созванном Мировым банком в Париже в апреле 1998 г. совещании организаций помощи в постконфликтный/переходный период и объединений многосторонних и двусторонних организаций экстренной помощи была образована “Сеть предотвращения конфликтов и постконфликтной реконструкции”. 29 организаций объединились таким образом на неформальной основе с намерением применять рекомендации Комитета помощи развитию для совершенствования координации и повышения эффективности непосредственной работы по предотвращению конфликтов и постконфликтному восстановлению.

И тем не менее в работе системы ООН продолжает ощущаться недостаток слаженности. Разделение на бюджетные, институционные и оперативные подразделения затрудняет сотрудничество между агентствами гуманитарной помощи и помощи развитию при планировании вмешательств в конфликты, мобилизации ресурсов и выполнении проектов. Во многих организациях оказание гуманитарной помощи и меры содействия развитию планируются различными подразделениями и финансируются отдельными строками бюджета. Более того, как отмечают Форман, Патрик и Саломонс, в агентствах помощи обычно поощряется способность “двигать деньги”, а не умение рационально планировать оказание помощи (*Forman, Patrick, Salomons, 2000. P. 54*). В результате общества, выходящие из конфликта, могут получить такую помощь, которая окажется излишней, бесполезной и даже вредной или будет растратчена, – т.е. не получают того типа помощи, в котором действительно нуждаются.

Именно поэтому сотрудники Центра международного сотрудничества считают, что необходим некий “Центр по постконфликтному восстановлению” (*Forman, Patrick, Salomons, 2000. P. 57*). Они предлагают основать попечительский фонд для “ликвидации брешей”, который служил бы механизмом быстрого включения и синхронизации мер реагирования международного сообщества. Он будет подключаться в каждом случае на короткое время, пока разрабатываются долгосрочные планы и создаются специальные попечительские фонды (возможно, попечительские субфонды) для стран конфликта и начинают свою работу многосторонние и двусторонние агентства помощи и НПО. Такой центр должен быть открыт для сотрудничества с центральными организациями ООН (в том числе с Бреттон-Вудскими институтами), с региональными организациями, правительствами, готовыми внести или взять обязательство внести установленный минимум средств, и с неправительственными организациями. Он должен располагать отдельным фондом для ведения собственной аналитической или подготовительной деятельности, а также постоянным попечительским фондом, либо заранее согласованным механизмом получения средств для быстрого начала работы по восстановлению. Мировой банк может выступить доверенным агентом для попечительского фонда, а Офис обслуживания проектов ООН предоставит административную поддержку и оборудование для секретариата центра.

4. Трудности интеграции

Тщательный анализ конфликта необходим не только для координирования деятельности многочисленных агентств, но и для постановки реалистических целей вмешательства в конфликт. Как пишут Форман, Патрик и Саломонс, в 1990-х годов после завершения внутренних конфликтов и заключения мирных соглашений строились амбициозные планы восстановления, которые часто “были направлены на различные и подчас противоречившие друг другу политические, социальные и экономические цели” (*Forman, Patrick, Salomons, 2000. P. 14*). Также необходимо извлечь уроки, например, из неудач и неразрешенных проблем репатриации беженцев и внутренних вынужденных переселенцев в Боснии. Очень сложно удовлетворить нужды самых уязвимых групп и модифицировать программы реконструкции и регенерации в соответствии с принципами социальной справедливости. В то же время необходимо выявлять группы, которые могли бы запустить в обществе “цепную реакцию” социальных перемен и трансформаций. В нижеследующем разделе эти проблемы иллюстрируются конкретным материалом, в частности, опытом Балканских стран.

4.1. (Ре)интеграция беженцев и переселенцев

Вопрос репатриации и реинтеграции беженцев и внутренних вынужденных переселенцев стал одним из важнейших пунктов международной гуманитарной повестки дня. Он привлек внимание не только правозащитных организаций и агентств гуманитарной помощи и помощи развитию, но и крупных политических и военных лидеров. Начиная с предпринятых лидерами центрально-американских стран в конце 1980-х годов инициатив по разработке специфических региональных подходов к этой проблеме, почти все важные мирные соглашения, будь то в Боснии, Камбодже, Мозамбике или Намибии, содержали специальные пункты о возвращении переселенцев. Большую роль в этом деле играет Верховный комиссариат ООН по делам беженцев (ВКБ ООН). Такие неправительственные организации, как Международные бригады мира (*Peace Brigades International*), также накопили большой опыт в организации процесса репатриации, сопровождая людей и оказывая им помощь при возвращении в родные места, где обстановка еще не достигла приемлемого уровня безопасности, например, в Гаити, Гватемале и Колумбии (*Mahony, 1999; Mahony, Eguren, 2003*).

Каким образом репатриация и реинтеграция могут способствовать построению мира в подорванных войной обществах? На этот вопрос нужно отвечать с учетом ряда взаимосвязанных проблем:

1. Нормализации обстановки не следует ожидать до тех пор, пока большинство переселенцев или изгнанников не реинтегрируются в свои общества. Вынужденные переселения и движения беженцев – это аномалии, симптомы ситуации, когда государство не способно защитить своих граждан и когда разные группы граждан не могут жить в мире рядом друг с другом. Добровольное возвращение переселенцев, будучи весьма наглядным признаком прогресса, может иметь важное значение для укрепления веры в процесс построения мира (*UNHCR, 1997. P. 9*).
2. Репатриация играет важную роль в придании законной силы постконфликтной политической системе. Предоставление беженцам возможности вернуться домой и выразить свои политические предпочтения – неотъемлемая часть понятия свободных, честных и демократических выборов.
3. Возвращение и реинтеграция изгнанников может послужить предпосылкой к установлению мира в тех ситуациях, когда беженцы представляют собой активную по-

литическую и военную силу. Возвращение беженцев и их отделение от военных, например, стало важным шагом на пути к миру в Камбодже, Намибии, Никарагуа и Руанде.

4. Возвращение переселенцев домой может способствовать экономическому восстановлению подорванных войной обществ, т.к. большое число иммигрантов всегда затрудняет планирование программ по социальным услугам, по сельскому хозяйству и другим базовым сферам.

Есть немало примеров того, как бывшие беженцы и вынужденные переселенцы, вернувшись домой, поднимают местную экономику и тем самым содействуют мирному процессу (район Африканского рога, Огаден в Эфиопии – см. UNHCR, 1997). Даже если возвращающиеся беженцы не приносят в родные места значительного финансового капитала, они, тем не менее, представляют собой существенный человеческий и социальный капитал.

С другой стороны, стремительный наплыв большого числа возвращающихся людей может стать ощутимой нагрузкой для местностей, где они поселяются. Это происходит, когда государство, приютившее беженцев, заставляет их уезжать обратно, хотя они могут быть еще не готовы к отъезду и реинтеграции в стране исхода.

Опыт регионов, где прошли войны, например, на Балканах, показывает, что различные аспекты конфликта могут, наслаиваясь, усиливать разрушительный потенциал друг друга: к антагонизму религиозных или этнических групп и конфликту между городом и деревней с их культурными различиями прибавляется недовольство, вызванное несправедливым распределением ресурсов. Возвращение и реинтеграция беженцев и переселенцев может стать серьезным источником конфликта и спровоцировать новые вспышки насилия. Эта опасность особенно велика в случаях, если приезжие становятся конкурентами местным жителям при получении жилья и работы или если притязания на утраченную собственность остаются неудовлетворенными. Так, традиционные противоречия между городом и деревней в балканских странах усилились из-за миграционных процессов, вызванных войнами 1990-х годов, когда немалая часть сельского населения пришла в города и осела там на годы (а многие не вернулись в деревню еще и сегодня).

В Боснии из 4,4 млн чел. населения 2 млн стали беженцами или вынужденными переселенцами. Их возвращение привлекло к себе большое внимание международной общественности, однако это не избавило процесс от ряда неудач. В частности, после заключения Дейтонского соглашения возникли проблемы из-за программ стимулирования возвращения представителей меньшинств. Ранее, из-за того, что порожденная войной ситуация изгнания и разделения Боснии-Герцеговины на “этнически чистые” территории считалась недопустимой, приоритетом было поощрение возвращения меньшинств. Но в конце концов оказалось невозможным подвигнуть людей возвращаться в покинутые регионы, в те условия, при которых они входили в состав этнического меньшинства. Опыт показал, что только люди старшего возраста были готовы возвращаться; люди же среднего возраста и молодежь оставались там, куда приехали, или искали еще какие-то возможности. Спустя годы, в результате явного провала в 1998 г. программы “Год возвращения”, ООН, ее Верховный представитель по Боснии-Герцеговине и ЕС начали пересматривать прежние политические цели, связанные с возвращением беженцев. “Право на возвращение” по-прежнему защищается, но принятый теперь подход признает в этом вопросе право человека на выбор и предполагает оказание юридической и финансовой поддержки всем, кто желает вернуться в районы прежнего проживания. Поэтому ВКБ ООН решил продолжать поддержку возвращения меньшинств, но теперь рассматриваются и иные решения, облегчающие людям интеграцию в новых местах проживания. Тем самым признается факт, что многие беженцы “пустили корни” на новых территориях и не хо-

тят возвращаться на старые места, где могут встретить недружелюбный прием. Как считает бывший Верховный представитель ООН Вольфганг Петрич, идет постепенное осознание того, что восстановление старой “этнической карты”, “многоэтничного и многокультурного общества в Боснии, о котором с таким восторгом говорят дипломаты и артисты”, невозможно. По словам Петрича, “иностранцы со своими возвышенными политическими идеями не могут требовать, чтобы беженцы вернулись в те места, где они не чувствуют себя в безопасности и не видят перспектив на будущее” (Petritsch, 2001. P. 313).

Еще одна проблема, не учтенная при составлении Дейтонского соглашения и при проведении программ гуманитарной помощи и помощи возвращению, состоит в том, что перемены, вызванные войной, накладываются на перемены, обусловленные системной трансформацией. Так, процесс миграций сельских жителей в города чрезвычайно ускорился вследствие войны, но это мог бы быть и результат экономических процессов, связанных с системными преобразованиями, ибо миграции составляют часть экономических изменений (превращение аграрного общества в индустриальное и т.п.). В свете этого настоящим анахронизмом кажется не только упорное стремление вернуть назад меньшинства, но и вообще требование, чтобы люди возвращались в депопулированные (и экономически обанкротившиеся) сельские регионы, даже если они жили там до войны.

Уточнение имущественных прав и возвращение собственности тем, кто ее потерял во время войны, составляют необходимое условие успешного построения мира. Во избежание чреватых продолжением конфликта имущественных споров с вынужденными мигрантами, в число мер по обустройству беженцев неотъемлемой частью должны входить механизмы компенсаций и урегулирования данных вопросов. В Боснии, например, ЕС учредил комиссию по собственности, ибо, как показывает опыт, после конфликтов выплаты компенсаций приходится ждать слишком долго.

Вынужденные миграции военного времени оказывают громадное влияние на распределение ресурсов между совместными собственниками, а также на экологическую обстановку в местах поселения мигрантов. В этой ситуации кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает (Boschmann, 2003. P. 37 и сл.), и было бы слишком просто считать беженцев проигравшими, а остальных – выигравшими. Реальность подорванных войной обществ куда сложнее.

Разумеется, беженцы теряют свое имущество. Но и в регионах, где они обосновываются, местное население может серьезно пострадать, в том числе и от несправедливости. Беженцы обеспечиваются бесплатным питанием и предметами быта, к тому же они пользуются такими местными ресурсами, как вода или земля. Если местное население не получает за это компенсации, то может оказаться, что беженцы живут лучше их.

Один из уроков оказания помощи заключается в том, что в этом деле не следует сосредоточиваться на какой-либо одной целевой группе (когда речь идет о распределении товаров и услуг, например, оборудования, семенного материала, жилья или обучения). Поддержка строго одной группы (например, только беженцев или только бывших комбатантов) несет в себе опасность скрытой дискриминации или исключения тех людей, кто не попадает в целевую группу, но чьи условия жизни могут быть ничем не лучше.

Надо действовать так, чтобы не создавалось впечатление, что возвращенцам помогают за счет исключения постоянных жителей из программ помощи. Чтобы реинтеграция была успешной, восстановительная работа должна охватывать всю общину целиком, с должным уважением прав всех ее членов.

Важно установить, как подействует и подействует ли вообще осуществляемый проект на ситуацию конфликта. Но еще важнее – и сложнее – определить, как можно соединить в одно целое инициативы по урегулированию конфликта и по построению мира. Какое-то время после окончания войны антипатия между бывшими

противниками остается столь сильной, что без тщательной подготовки попытка организовать диалог между ними может оказаться контрпродуктивной и даже выпустить на волю такие силы, которые будет трудно контролировать. И все же инициативы, поощряющие людей к совместным действиям, могут стать основой для объединения усилий по построению будущего плюралистического общества и исправлению несправедливостей, допущенных в прошлом. Пример тому – ситуация в Боснии-Герцеговине (см. бокс 4).

**Бокс 4: “Молодежь строит будущее”:
расширение прав и возможностей, обучение и порождение доходов**

В 2002 г. боснийские активисты неправительственной организации “Ирак” в Тузле и немецкие организации “Школа помощи жизни” и Бергхофский исследовательский центр начали совместный проект под названием “Молодежь строит будущее”. Цель проекта – построение молодежного центра и молодежного кооператива в восточной части Боснии. Германско-боснийская НПО “Ирак” (“Тем не менее”) была создана в ответ на нападение в 1995 г., во время боснийской войны, на тузленскую организацию “День молодежи”, когда погиб 71 человек и сотни были ранены. У “Ирак” в Симин Хане, близ Тузлы, с 1997 г. существует свой центр, активно посещаемый молодежью. Проект “Молодежь строит будущее” направлен на улучшение положения молодежи и интегрирование возвращающихся боснийцев и молодежи из сербских деревень, для чего в центре организуются встречи, международные обмены, мероприятия досуга, профессиональное обучение и трудоустройство. Делается попытка объединить в единое целое задачи развития, построения мира и урегулирования конфликта в рамках социальной работы, ориентированной на обучение и трудоустройство.

Молодые люди из сельских общин, принадлежащие к разным этническим группам, приглашаются к участию в совместных делах: строительстве молодежного центра, обучении специальностям, требующимся в лесной промышленности и сельском хозяйстве. Предполагается, что, молодые люди будут не только учиться, но и работать за плату, причем заработанные средства пойдут на пополнение бюджета проекта. Параллельно будут проводиться социальная работа и программы психологической помощи (профилактика наркомании и исцеление от психических травм), программы международного молодежного обмена, семинары по урегулированию конфликтов ненасильственными действиями. Часть молодых людей вступит в кооператив для строительства центра, другие займутся организацией его деятельности.

Эта идея возникла у молодых беженцев и возвращенцев, которые видели, что международные инициативы по реконструкции направляются в основном на техническую сторону – ремонт жилья и инфраструктуры – и уделяют мало внимания проблеме восстановления жизни общин в целом.

На первой фазе выполнения проекта команда “Ирак” сделала упор на распространении информации среди местного населения, создав сеть молодых активистов с включением школьников и их родителей, а также школьных учителей, специально приглашенных из разных деревень и из разных этнических общин. Участники с радостью отмечают, что, действуя постепенно и тактично, вполне возможно создать такую сеть, где главными действующими лицами будут молодежь, учителя и социальные работники. Этим людям принципиально важно поддерживать диалог с местными законодателями и администрацией, поскольку местные власти часто меняются, а в политике все еще доминируют националистические группы.

Весьма важно предоставлять молодежи возможность зарабатывать деньги, подкрепляя тем самым работу по построению мира и обеспечению прав человека: молодые люди вносят вклад в бюджеты своих семей, собственные заработки повышают их самооценку и помогают приобрести определенное положение и уважение в общине. Кроме того, средства, заработанные молодежью, могут использоваться в работе Центра, например, для частичного финансирования проводимых там мероприятий. Все это в какой-то степени уменьшит зависимость от иностранных доноров и поможет поддержать развитие местных жизнеспособных НПО, что весьма полезно для зарождающегося гражданского общества.

Существует очень много программ поддержки неблагополучных социальных групп в послевоенных регионах, но очень мало таких, которые специально поддерживали бы трудоустройство молодежи. Молодежи предоставляется непропорционально много микрокредитов, но их польза представляется сомнительной, ибо они не направлены на общие проблемы юношества. Гораздо полезнее было бы поощрять конкуренцию и индивидуальную инициативу молодых, и микрокредиты именно такой направленности следует как можно скорее учредить для этой целевой группы.

Непрекращающаяся «утечка мозгов» требует усиления поддержки молодежи в послевоенных странах. Согласно опросам, две трети молодых боснийцев покинули бы страну, если бы имели возможность, а многие такую возможность находят. Более того, существует опасность, что, если оставлять молодых людей без надежных перспектив на будущее, они будут уходить в нелегальный бизнес или вставать под знамена националистов.

4.2. Реинтеграция бывших участников боевых действий

Наряду с проблемой возвращения беженцев особое внимание уделяется задаче реинтеграции бывших комбатантов – мужчин, женщин и детей-солдат. В последние годы это осознается как важная предпосылка построения мира (*Boschmann*, 2003. Р. 40; *Kingma*, 2001; *Stuedner*, 2001). Демобилизация и реинтеграция должны рассматриваться как тесно взаимосвязанные элементы постконфликтной работы, т.к. есть опасность, что не нашедшие своего места в послевоенной жизни бывшие солдаты могут оказаться кандидатами в члены преступных организаций или деятелями черного рынка. В Боснии-Герцеговине после войны при поддержке международных агентств было проведено несколько этапов демобилизации. Прошло пять лет, прежде чем стало ясно, что программы демобилизации и реинтеграции должны быть частью общей концепции реформы силового сектора (*Heinemann-Grüder, Pietz*, 2003. Р. 4). Крупные проекты реинтеграции были поддержаны Международной ассоциацией развития (МАР) под эгидой Мирового банка и Международной организацией по миграциям (МОМ). Эти проекты были нацелены прежде всего на помощь в экономической реинтеграции и состояли из нескольких компонентов. Так, проект Мирового банка «Срочная демобилизация и реинтеграция» создал для бывших солдат службы информирования о рынке труда, консультирования, поиска работы, обучения и профессионального перепрофилирования и административной помощи. Другая программа Мирового банка, «Пилотный проект экстренного перераспределения трудовых ресурсов», фокусировалась на самостоятельной занятости в сельском хозяйстве и малом бизнесе, обучении в образовательных учреждениях и на рабочих местах. Проект МОМ «Временная помощь бывшим солдатам» включал создание базы данных об уволенных в запас военнослужащих, предназначенной для расширения возможностей их трудоустройства и содержащей подробную характеристику каждого человека.

Ученые из Боннского международного центра конверсии (БМЦК) недавно опубликовали свой анализ этих проектов. Основные выводы состоят в том, что проект Мирового банка “Экстренная демобилизация” слабо согласовывался с деятельностью министерств и служб занятости на региональном и местном уровне (*Heinemann-Grüder, Pietz, 2003*). Большие трудности были связаны и с чрезвычайно высокой безработицей в Боснии-Герцеговине. В число причин того, что свое место в мирной жизни нашел лишь небольшой процент бывших солдат, входили также их низкий уровень образования и собственная пассивность. Второй проект (“Экстренное перераспределение трудовых ресурсов”) выявил важные данные о состоянии рынка труда и стимулировал реформу системы учреждений трудоустройства. Деятельность Международной организации по миграции была успешной в том смысле, что организации удалось добиться интереса и доверия к своей работе среди демобилизованных военнослужащих. Информация доставлялась солдатам еще до того, как они покидали казармы; тогда же устанавливались и контакты. Такие методы оказались эффективными, люди были устроены не на временную или краткосрочную, а на нормальную, полноценную работу. С министерствами поддерживалась тесная связь. МОМ ввела также обязательные семинары по гражданскому просвещению для соискателей работы. На этих семинарах обсуждаются проблемы демократии, гражданского общества и прав человека. По оценке БМЦК, этот и некоторые другие элементы проекта Международной организации по миграции были чрезвычайно полезными и должны быть включены и в другие проекты. К числу таких элементов относятся:

1. поощрение самостоятельной предпринимательской деятельности и расчета на собственные силы;
2. индивидуальный подход к консультированию, учитывающий конкретные нужды клиента;
3. финансовая помощь;
4. поддержка вновь создающихся фирм.

Один из существенных выводов исследования заключается в том, что международная поддержка должна быть направлена на создание прочных национальных структур, которые могли бы обеспечить занятость бывших военнослужащих. Программы, направленные только на экономическую реинтеграцию и трудоустройство, зачастую слишком узки, ибо не учитывают индивидуальность и психологическое состояние каждого солдата. Опыт Боснии показал, что подавляющее большинство демобилизованных во время службы не получало ни трудовых навыков, ни психологической помощи, необходимых для гражданской жизни. Нельзя забывать и того, что у многих солдат сохраняется авторитарное и этноцентристское мышление. Многие представители ветеранских организаций подчеркивают первостепенную важность психологической помощи ветеранам войн – аспект, слабо представленный в большинстве программ реинтеграции (*Heinemann-Grüder, Pietz, 2003. P. 31*).

5. Меры по оздоровлению общества: усиление местных возможностей, внимание к нуждам женщин и гендерным проблемам

Программы гуманитарной помощи и помощи развитию, ориентирующиеся только на поддержку жертв войн и игнорирующие необходимость формирования у местных акторов ответственности за собственную страну, рискуют поставить страны в долгосрочную зависимость, которая скорее подрывает, чем поддерживает процесс построения прочного мира. “Синдром зависимости” наблюдается, например, в Бос-

нии-Герцеговине. Как говорит бывший Верховный представитель ООН Вольфганг Петрич, “Некоторые люди, получив доллар помощи, считают, что международное сообщество будет платить за все и всегда” (*Petritsch*, 2001. P. 257). Выполнение Петричем своих предписанных уставом обязанностей часто служило для политиков Боснии-Герцеговины “отличным предлогом для того, чтобы не исполнять собственные обязанности должным образом”, и вводило в заблуждение значительную часть населения, которое ожидало, что международное сообщество возьмет на себя всю ответственность за улучшение условий жизни в Боснии. В период 1995–2000 гг. Босния получила в четыре раза больше денег на душу населения, чем получила Европа после второй мировой войны.

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что “патерналистское государство было замещено патерналистской гуманитарной помощью” (*Stubbs*, 2000. P. 4). Похоже, что “синдром зависимости” в Боснии возник отчасти из-за огромного международного присутствия, но также и сомнительных концепций помощи и из-за фундаментальных ошибок самого Дейтонского соглашения.

Как показал Стаббс, в согласованной в Дейтоне конституции ни одно наднациональное агентство не ставит в центр своей деятельности в Боснии-Герцеговине социальную политику, поэтому усилия ведущих агентств были сосредоточены в основном на разработке технических принципов управления, защиты прав человека, экономического развития, восстановления и возвращения беженцев. В результате тема социальной политики остается неразработанной. Гуманитарная помощь поставляется главным образом через международные и местные НПО, которых нередко нанимают для оказания услуг. Имеющиеся на местах возможности и навыки, которые сформировались благодаря работе боснийских специалистов в центрах социальной работы, не используются. Режим вэлфера стал “фрагментированным, локализованным, деполитизированным, основывался на остаточном принципе и ориентировался скорее на категории граждан, чем на их потребности” (*Ibid.* P. 5). Чтобы дать какой-то доход беднейшим семьям, Мировой банк создал несколько фондов срочной помощи, но это все же была краткосрочная схема и в ней не предусматривалось продолжение финансирования, когда заканчивались ресурсы фондов (*Ibid.* P. 11).

По мнению большинства ученых, послевоенная Босния, несмотря на повышенное внимание, которое сообщество доноров ей уделяет, не являет собой положительный пример, поскольку международная помощь вызвала там несколько непредвиденных побочных эффектов отрицательного характера (*Schneckener*, 2003. P. 58), а именно:

- 1) Индустрия гуманитарной помощи заменила собой общественный сектор и стала препятствием развитию местной экономики и рынка труда. Квалифицированные работники предпочитают наниматься в международные организации или в сектор НПО (искусственно раздутый) и, следовательно, не вливаются в местные трудовые ресурсы.
- 2) Подсчитано, что миллиард долларов из международной помощи, предоставленной Боснии-Герцеговине со времени Дейтонского мирного соглашения 1995 г., пошел не на те цели, для которых предназначался (из-за чего пришлось создавать антикоррупционный отдел в рамках офиса Верховного представителя ООН).
- 3) Международное финансирование укрепило местные элиты и структуры власти, связанные с коррумпированным чиновничеством, черным рынком и организованной преступностью. Те, кто уже извлек выгоду из войны, теперь извлекают выгоду из международных усилий по установлению мира.

Организации по развитию и по гуманитарной помощи часто выражают критическое отношение к тому положению, что идеология построения мира, как правило, не включает в себя аспект гендерного равенства, ибо не усматривает в нем од-

ного из ключевых элементов социального равенства. Женщины, безусловно, составляют одну из самых неблагополучных групп в кризисных регионах. Поэтому обязательно должны разрабатываться инициативы, специально направленные на трудоустройство женщин и на их участие в жизни общины.

Маргарет Вогт, глава Департамента ООН по политическим делам, считает, в частности, что во избежании серьезных нарушений принципа справедливости программы реинтеграции должны разрабатываться и претворяться в жизнь при активном участии местных общин (Vogt, 2000. P. 85). Очень часто мужчины, солдаты или командиры, допускаяшие нарушения прав человека, остаются на свободе, и получается, что, подпадая под программы поддержки, они как бы получают награду. Можно сказать, что им платят за совершенные преступления. Такого рода перекосов надо избегать всеми силами. Кроме того, не надо забывать о женщинах-бойцах: во многих регионах Африки, Азии и Латинской Америки в партизанских войсках женщины сражаются бок о бок с мужчинами – в этих случаях наблюдается равенство. Однако по окончании военных действий женщин опять загоняют в рамки их традиционных и, как правило, подчиненных ролей. Социальной реинтеграции женщин-комбатантов уделяется гораздо меньше внимания, особенно со стороны иностранных донорских организаций. Так было и с программами реинтеграции в Боснии-Герцеговине (Heinemann-Grüder, Pietz, 2003. P. 19). Поэтому женские организации призывают к принятию мер по разоружению, демобилизации комбатантов и реконструкции не только на макроуровне, но, что еще важнее, на уровне местных общин, чтобы обеспечить охват этими мерами и женщин.

Основная проблема состоит в том, что женщины всегда находятся на периферии принятия решений по реконструкции по окончании боевых действий, и обычно программы помощи не учитывают их специфических потребностей. Часто у женщин нет и возможностей выразить свои взгляды. Например, у них нет доступа к средствам массовой информации. Международные дебаты выявили понимание того, что программы по технической и социальной реконструкции должны предусматривать меры по расширению возможностей женщин. Необходимо также обратить внимание на домашнее насилие, которое все чаще становится характерной чертой послевоенных ситуаций. Для многих женщин конец конфликта и насилия в обществе не означает конца всякого насилия. Мужчины-экс-комбатанты возвращаются домой и зачастую начинают вымещать свои разочарования и психические травмы на женах и других членах семьи. Учащаются случаи изнасилований и избиений женщин. Нередко они становятся жертвами грабежей, нападений и “экономического насилия”, совершаемого бывшими комбатантами (Anderlini, 2001. P. 37).

В условиях сохраняющейся военной экономики женщин эксплуатируют и превращают в проститутку, мафия получает огромные доходы от порабощения женщин и торговли ими. Сообщения о том, что женщин в Боснии-Герцеговине заставляют заниматься проституцией, вернуло этот вопрос в повестку дня (Böhm, 2000; Ludwig Boltzman Institute for Human Rights, 2001; Ulrich, 2001). Поэтому международные женские организации настаивают, чтобы в дебатах по проблемам безопасности участвовали равно как мужчины, так и женщины, чтобы “в существующие повестки дня безопасности были включены гендерные аспекты” (Anderlini, 2001. P. 37).

Суони Хант, бывший представитель Соединенных Штатов, инициатор движения “Женщины борются за мир”, призывает выработать “концепцию инклюзивной безопасности”, “многообразный, “приводимый в действие” рядовыми гражданами механизм достижения глобальной стабильности, который расширил бы набор орудий, имеющихся в распоряжении полиции, военных и дипломатических структур, добавив к нему усилия и стремление к миру людей на местах” (Hunt, Posa, 2001). В этой концепции подчеркивается не уязвимость женщин, а их способность дейст-

водить. Более того, раздаются призывы шире привлекать женщин к мирным переговорам, чтобы обеспечить им реальную возможность участвовать в принятии решений о перспективах их общин. Это было одним из важных положений кампании “Женщины строят мир: от деревенского совета до стола переговоров”, проведенной НПО “Международная тревога” (см. главу Дайаны Фрэнсис в данном издании).

Задача поддержки женщин в их стремлении обеспечить себе равные с мужчинами возможности участия в политике в качестве заинтересованных лиц, без сомнения, вытекает из необходимости усиления принципов демократии, равных возможностей и сопричастности политическим процессам – принципов, представляющих собой также и важные элементы мирных соглашений. Это не значит, однако, что вслед за повышением доли женщин среди политиков автоматически усилится всеобщее стремление к трансформации конфликта. Не следует считать, что женщины “от природы” обладают такими качествами, которые позволяют им лучше решать миротворческие задачи. Женщины не более миролюбивы, чем мужчины. В конце концов, женщинам приходится участвовать в бесчисленных гражданских и межгосударственных войнах либо в качестве вспомогательного состава, либо даже в качестве комбатантов. Повсюду есть женщины – их не меньше, чем таких мужчин, – которые активно распространяют националистические или ксенофобские идеи. И все-таки в некоторых зонах конфликта женщины оказываются важными партнерами приверженцев мира в кампаниях за разоружение и демобилизацию. В Мали Женское национальное движение в защиту мира и национального единства стояло во главе движения гражданского общества, заставившего правительство принять трехлетний мораторий на импорт, экспорт и производство огнестрельного оружия. В Гватемале и Либерии женщины участвовали в кампаниях за разоружение комбатантов и, подчеркивая свою традиционную роль и пользуясь своим авторитетом в обществе, добились расширения рядов борцов за разоружение (Anderlini, 2001. P. 20).

Международные акторы в зонах конфликта также могут использовать потенциал женщин, учитывая их социальный статус и роль в обществе. С этой точки зрения следует обратить внимание на символическую связь между гендерным фактором, властью и культурой (о чем выразительно пишет Дайана Франсис Фрэнсис в данной книге). Сравнительное исследование процессов укрепления мира в странах Южно-тихоокеанского региона показывает, что само включение женских групп в акции на “низовом” уровне и в переговорный процесс (а также участие женщин в деле поддержания мира, когда они могли служить “связными” между внутренними и внешними деятелями) способствовало прогрессу в Бугенвиле, ибо они смогли привести в действие традиционные способы улаживания конфликтов (Böge, 2002). На Соломоновых островах, напротив, традиционная роль и значимость женщин (как собственниц земли в матрилинейном обществе) никак не учитывалась, и решение отправить исключительно мужской отряд для поддержания мира оказалось одной из причин срыва мирного процесса.

Таким образом, очевидно, что это задача чрезвычайной сложности – вырабатывать подходы к построению мира, проявляя особую чувствительность к положению мужчин и женщин в послевоенных странах и к их различным потребностям и ситуациям.

Ученые и практики, как мужчины, так и женщины, придают особое значение роли женщин как вдохновительниц перемен, которые в любой восстановительной и экономической деятельности всегда надо поддерживать (Forman, Salomons, 2000. P. 3). В исследовании, проведенном для немецкого Общества технического сотрудничества, рекомендуется проводить оценку действия гендерного фактора при планировании проектов по развитию и техническому сотрудничеству. Это позволит

критически проанализировать социальные процессы в соответствующей стране и показать, как следует поддерживать женщин в их прогрессивной, творческой роли. Исследователи также пришли к заключению, что сотрудничество в деле развития должно “способствовать сохранению тех преимуществ, которые женщины обеспечили себе во время кризиса. Иногда в кризисных ситуациях женщины берутся за работу, от которой прежде они были отлучены”; следует помогать им сохранять эти новые позиции и не допускать движения вспять (*Mehler, Ribeaux, 2000. P. 136; Reimann, 1999, 2001; Woroniuk, 1999; Spearman, 1999*).

6. Вопросы, остающиеся без ответов

Разрушенные войной общества чрезвычайно разнятся по своей способности распорядиться иностранной помощью и абсорбировать ее. У них зачастую недостает ни человеческих, ни технических, ни административных возможностей, чтобы продуктивно воспользоваться поступающими к ним большими деньгами, или чтобы скоординировать работу многочисленных доноров и неправительственных организаций, желающих помочь этим обществам восстановиться. Опыт таких стран, как Босния (и в какой-то степени опыт Косова) показывает, что, если внешняя помощь предоставляется в таких объемах, что не могут быть освоены из-за недостатка возможностей или если местные возможности просто не используются для создания прочных систем, за которые отвечала бы сама страна, то это может породить представление, что задача физического и социального восстановления ложится целиком и на все времена на плечи внешних деятелей. Поэтому одной из ключевых проблем является *комбинирование мер структурного характера с инициативами, ориентированными на процесс, а также целенаправленная координация кратко- и долгосрочных мер*. Сюда входит восполнение недостающего качества в работе агентств и решение проблем, возникающих из-за того, как именно международное сообщество организует помощь. Речь идет о дефиците слаженности, упорядоченности и эффективности, а также о недостатке реализма в постановке целей и изыскании средств. Все это требует перемен в подходах как от международных доноров, так и от системы ООН.

Идея создать “стратегическую службу постконфликтного восстановления” для улучшения координации деятельности всех агентств звучит убедительно. На те же цели направлено предложение учредить “Всемирный фонд мира” или “Всемирный совет безопасности мира”, выдвинутое недавно рядом ученых и практиков (*Ferdowsi, 2002. P. 19*). Остается продумать, каким должно быть это агентство, чтобы действовать по-настоящему эффективно и избежать бюрократизации, которая так усложняет и “засекречивает” всю работу, делая ее “непрозрачной” – особенно для самих получателей помощи.

Чтобы меры по реконструкции и регенерации были действенными, они должны базироваться на *принципе справедливости*. Преступники должны предстать перед судом, а жертвы – получить компенсацию за понесенный ущерб. Меры по регенерации должны предоставлять всем членам общества возможности для участия в политике и надежные экономические перспективы. Просвещение по проблемам мира вряд ли принесет пользу, если не созрели общие условия для трансформации конфликта (другими словами, если социальный дисбаланс все еще остается ярко выраженным, если резко конфликтуют выигравшие от войны и проигравшие от нее, и если у некоторых социальных групп по-прежнему нет экономических шансов). Что касается долгосрочных стратегий развития, сфокусированных на экономическом и социальном восстановлении, то они могут сыграть эффективную роль в построении

мира, только если они охватывают разные социальные группы: возвращенцев, беженцев и окружающее местное население, экс-комбатантов и т.д. (или, по крайней мере, ни одну из этих групп не оставляют без внимания). Программы по реинтеграции беженцев, внутренних вынужденных переселенцев и бывших участников боевых действий должны разрабатываться и на общегосударственном, и на местном уровне, чтобы избежать несправедливости и заручиться партнерами в мирном процессе. *Молодежь* при этом должна рассматриваться как особая и важная целевая группа. Во-первых, пренебрежение молодыми людьми может активизировать их деструктивный потенциал, и они, не видя перспектив, легко могут влиться в ряды незаконных вооруженных формирований или в организованные преступные группировки. Во-вторых, привлечение молодежи означает развитие социального капитала с новаторским потенциалом, который призван обновить общество. Возможности *женщин* в качестве участников процесса построения мира тоже немаловажны. С точки зрения социальной справедливости и прав человека, обеспечение правового и социального равенства женщин с мужчинами, их приобщение к политике и полноценному участию в делах гражданского общества – это давно назревшая задача.

В соответствии с принципом справедливости, при оказании международной помощи приоритетным должно быть “слабое звено” постконфликтных обществ, т.е. самые уязвимые группы. Но при любой стратегии реконструкции и регенерации в контексте постконфликтного строительства мира не следует считать, что самые уязвимые и нуждающиеся в помощи – это автоматически и обязательно те, кто представляет угрозу миру, или, наоборот, те, кто может содействовать укреплению мирного процесса. Поэтому в стратегиях должны быть тщательно сбалансированы принцип справедливости и, например, необходимость вернуть в общество бывших участников боевых действий. Тогда можно надеяться на уменьшение риска новых вспышек насилия.

То, что положение женщин в постконфликтных обществах все чаще попадает в поле зрения агентств, – разумеется, признак прогресса. Тем не менее, агентства часто склонны учитывать гендерный фактор только в плане особой роли и потенциала женщин, – рассматривая их либо как уязвимую группу, либо как особого рода средство инициации перемен. Но по сути дела, для того чтобы победить культуру насилия, не менее важно также анализировать психологическое воздействие войны и послевоенной реальности на мужчин и мужскую идентичность; только тогда яснее станет роль гендерных отношений в ряду других движущих сил и причин насилия. Это означает также, что необходимо всерьез воспринимать проблему психической травматизации и снижения самооценки мужчин. Бывшие солдаты, будучи одновременно и жертвами, и теми, кто преступал законы, нуждаются в психологическом консультировании, которое подготовило бы их к гражданской жизни. Как показал боснийский опыт, до сих пор это слабо учитывалось в программах демобилизации и реинтеграции.

Но гендерный фактор должен изучаться не только в рамках отношений преступников и пострадавших – для того чтобы искоренить культуру насилия, нужно исследовать связь между традиционными социальными образами мужчин и женщин и динамикой вооруженных конфликтов и искать пути изменения этих образов и ассоциируемой с ними системы символов. Если в систему оценки последствий конфликта включить такой параметр, тогда отпадет нужда в усложненных механизмах “оценки влияния гендерного фактора”. Для включения гендерного аспекта в арсенал средств анализа конфликта и оценки его последствий необходимо выявить определенные показатели воздействия на конфликт различных типов идентичности, например, милитаризованной маскулинности. Способы преодоления таких моделей послужат ключевыми элементами стратегий, направленных на демонтаж культуры насилия.

Следует и дальше разрабатывать подходы к оценке последствий конфликта, чтобы их могли применять агентства всех направлений деятельности – например, государственные и негосударственные организации, занимающиеся гуманитарной помощью, развитием, миром и правами человека. В условиях конфликта трудно применять те модели, которые постоянно требуют новых данных, потому что в таких ситуациях может не быть даже первоначальных данных. Необходимо разработать исходные показатели и индикаторы, применимые в контексте конфликта и учитывающие при этом условия конкретной страны и ситуации. В этой связи доноры должны несколько изменить свои взгляды и понять, что оценки станут честнее, если агентства помощи будут планировать программы, исходя из предполагаемых результатов. Требовать же от менеджмента ответа доноры должны не за выявленные проблемы, а за действия, предпринятые на основе данных оценок (*Forman, Patrick, Salomons, 2000. P. 54*). Агентствам нужно определить реалистические критерии и индикаторы успеха и найти адекватные методы самооценки и анализа своей собственной деятельности.

Но даже если внешним акторам удастся разработать самые оптимальные программы для вмешательства в конфликт и процедуры анализа собственной работы, им все равно придется столкнуться с некоторыми дилеммами, обусловленными международной обстановкой:

- Программы репатриации и реинтеграции беженцев и вынужденных переселенцев могут сыграть важную роль в процессе построения мира. Однако несмотря на то что существует давний принцип – беженцы должны возвращаться домой исключительно на добровольной основе, не испытывая опасностей и унижений, – совершенно ясно, что большая доля недавних беженцев практически везде была репатриирована с применением тех или иных форм давления, что подтверждают многие доклады Верховного комиссариата ООН по делам беженцев. Во многих случаях такое давление оказывали правительства и общины принимающих стран и другие акторы, с тем, чтобы заставить беженцев вернуться на родину. Второй принцип, согласно которому беженцев нельзя возвращать в страны, где их жизни или свободе угрожает опасность, последние годы также постоянно попирался (UNHCR, 1997). Такая практика, безусловно, сводит на нет все продуманные стратегии реинтеграции.
- Стремление повысить согласованность усилий по регенерации и реконструкции наталкивается на одну общую проблему. Очевидно, что возрождение подорванных войной обществ составляет часть международного конкурентного “бизнеса благотворительности”; на этот процесс оказывает воздействие также конфликт бизнес-интересов частных фирм (и национальных правительств, желающих представлять требования этих компаний), действующих в кризисных регионах, по крайней мере, в сфере восстановления материальных объектов. Это было предметом особо ожесточенных дебатов после окончания возглавлявшегося США военного вторжения в Ирак в 2003 г. Еще до окончания военных действий правительства и крупный бизнес нескольких стран начали пытаться заполучить контракты на восстановление дорог, жилья и инфраструктуры, право участвовать в конкурсах на радиочастоты и телефонные тарифы, а также возможность внести свой вклад в восстановление банковской системы – последнее предполагало и участие в реструктуризации рынка нефти. Вопрос, обсуждавшийся в мировых средствах массовой информации, был таков: кому достанется большой бизнес на багдадском базаре и кто за него заплатит (*Pinzler, Vannahme, 2003*). Вопрос: *кто даст иракскому народу то, в чем он действительно нуждается*, – обсуждался не так широко.
- Представляется, что предложение Генерального секретаря ООН Кофи Аннана (*Annan, 2001*) выработать “культуру предотвращения вооруженных конфликтов”

наткнулось в начале XXI в. на такие доктрины, как возможность односторонней превентивной интервенции (и агрессии). Тенденция прибегать к военным операциям ширится и становится главенствующей, по крайней мере, в министерствах иностранных дел некоторых могущественных западных держав, особенно США. Эту тенденцию укрепляет и концепция “войны с терроризмом”. Многосторонние организации, такие, как ООН, сегодня не играют ведущей роли в принятии решений и все больше оттесняются в сферу исправления последствий такой политики – ставят на ноги и восстанавливают разоренные общества, следуя девизу: “США воюет, ЕС финансирует, а ООН раздает пищу”. В таком случае следует спросить: Как при подобном развитии событий третьим сторонам пытаться вмешиваться в конфликты со своими стратегиями построения мира? Могут ли агентства, призванные трансформировать конфликты, в подобной международной обстановке работать эффективно, или же им грозит потеря авторитета? Эти вопросы уже поднимались после вторжения НАТО в Югославию в 1999 г. Еще острее они стоят в Афганистане и Ираке.

- Anderlini S.N.*, 2000. *Women at the Peace Table. Making a Difference*. New York, NY: UNIFEM (see also <http://www.unifem.undp.org/resour.htm>).
- Anderlini S.N.*, 2001. *Women, Peace and Security: A Policy Audit*. From the Beijing Platform for Action to UN Security Council Resolution 1325 and Beyond. London: International Alert.
- Annan K.*, 2000. *We the Peoples. The Role of the United Nations in the 21st Century*. Millennium Report of the Secretary-General. NY: United Nations Department of Public Information. <http://www.un.org/millennium/sg/report/full.htm>.
- Auswärtiges Amt (ed.), 2000. *Drittes Forum Globale Fragen. Gleichstellung in Politik, Gesellschaft und Wirtschaft*. Berlin: Auswärtiges Amt.
- Berdal M., Malone D.* (eds.), 2000. *Greed and Grievance. Economic Agendas in Civil Wars*, A Project of the International Peace Academy, Boulder, Co., London and Ottawa: Lynne Rienner Publishers.
- Boschmann N.*, 2003. *Wiederaufbauprogramme und ‘Complex Emergencies’*. EZ-relevante Erfahrungen und Lessons learned. Eschborn: GTZ.
- Böge V.*, 2002. *Friedenskonsolidierung im Südpazifik: Bougainville und Salomonen im Vergleich // Matthies V., et al.* op. cit. *Friedenskonsolidierung. Reihe EINE Welt, Stiftung Entwicklung und Frieden*. Bonn: Verlag J.H.W. Dietz.
- Böhm A.*, 2000. *Freier für den Frieden. Die UNO kam einst nach Bosnien, um Mord und Vergewaltigung zu stoppen. Seit sie da ist, blüht die Zwangsprostitution // Die Zeit*, January 13, 2002.
- Boutros G., Boutros*, 1992. *Agenda for Peace*. NY: United Nations Department of Public Information. <http://www.un.org/Docs/SG/agpeace.html>.
- Boutros G., Boutros*, 1995. *Agenda for Development*. NY: United Nations Department of Public Information. <http://www.un.org/Docs/SG/agdev.html>.
- Boutros G., Boutros*, 1995a. *Supplement To an Agenda for Peace: Position Paper of the Secretary-General on the Occasion of the Fiftieth Anniversary of the United Nations*, 3. January. <http://www.un.org/Docs/SG/agsupp.html>.
- Cahill K.M.* (ed.), 1993. *A Framework for Survival. Health, Human Rights, and Humanitarian Assistance in Conflicts and Disasters*. New York, NY: Basic Books and the Council on Foreign Relations.
- Carbonnier G.*, 1998. *Conflict, Postwar Rebuilding and the Economy. A Critical Review of the Literature, The Wartorn Societies Project // UNRISD. Occasional Paper N 2*. Geneva: UNRISD.
- Caritas Schweiz*, 2000. “Allianzen für den Frieden,” verfasst von Thomas Gass und Geert van Dok, Positionspapier 8. Luzern: Caritas-Verlag.
- Cernea M.M., McDowell Ch.* (eds.), 2000. *Risks and Reconstruction. Experiences of Resettlers and Refugees*. Washington, DC: The World Bank.
- Cohen R., Deng F.M.* (eds.), 1998. *The Forsaken People. Case Studies of the Internally Displaced*. Washington, DC: Brookings Institution Press.

- Coletta N.J., Cullen M.L.*, 2000. *Violent Conflict and the Transformation of Social Capital. Lessons from Cambodia, Rwanda, Guatemala, and Somalia*. Washington, DC: World Bank.
- GTZ, 1998. *Entwicklungsorientierte Nothilfe (EON). Arbeitskonzept der GTZ*, Eschborn: Deutsche Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit (GTZ).
- GTZ, 2001. *Towards Gender Mainstreaming in Crisis Prevention and Conflict Management. Guidelines for the German Technical Co-operation* Eschborn: Deutsche Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit (GTZ).
- Eberwein W.-D.*, 2001. *Humanitäre Hilfe, Flüchtlinge und Konfliktbearbeitung // Zivile Konfliktbearbeitung / Ed. A. Truger*. Münster: Agends-Verlag.
- Evers T.* (ed.), 2000. *Ziviler Friedensdienst*. Opladen: Leske & Budrich.
- Ferdowsi Mir A.*, 2002. *Internationale Politik im 21. Jahrhundert, Introduction // Internationale Politik im 21. Jahrhundert*. UTB Wilhelm Fink Verlag, P. 9–29.
- Ferdowsi Mir A., Matthies V.* (eds.), 2003. *Den Frieden gewinnen. Zur Konsolidierung von Friedensprozessen in Nachkriegsgesellschaften, Reihe EINE Welt, Stiftung Entwicklung und Frieden*. Bonn: Verlag J.H.W. Dietz.
- Forman S., Patrick S.*, 2000. *Good Intentions, Pledges of Aid for Postconflict Recovery*, Boulder, Co. London: Center on International Cooperation (CIC).
- Forman S., Patrick S., Salomons D.*, 2000. *Recovering from Conflict: Strategy for an International Response, Paying for Essentials, Policy Paper Series*. New York, NY: Center on International Cooperation, New York University.
- Forman S., Salomons D.*, 2000. *Meeting Essential Needs in Societies Emerging from Conflict*. Paper prepared by the Center on International Cooperation for the Brookings Roundtable on the Relief to Development Gap: see <http://www.nyu.edu/pages/cic/pubs/MeetingEssentialPrint.html>.
- Galtung J.*, 1976. *Three Approaches to Peace: Peacekeeping, Peacemaking, and Peacebuilding // Peace, War, and Defence: Essays in Peace Research. Vol. II*. Copenhagen. P. 282–304.
- Galtung J.* (ed.), 1976. *Peace, War, and Defence: Essays in Peace Research: Vol. II*. Copenhagen.
- Heinemann-Grüder, Pietz T.*, 2003. *Turning Soldiers into a Work Force. Demobilization and Reintegration in Post-Dayton Bosnia and Herzegovina, BICC brief 27*. Bonn: BICC.
- Hunt S., Posa Ch.*, 2001. *Women Waging Peace // Foreign Policy*. May/June. P. 1–7 (see www.foreignpolicy.com/issue_mayjune_2001).
- Kingma K.*, 2001. *Demobilisation and Reintegration of Ex-Combatants in Post-war and Transition Countries*. Eschborn: GTZ.
- Kreimer A., Eriksson J., Muscat R., Arnold M., Scott C.* (eds.), 1998. *The World Bank's Experience with Post-Conflict Reconstruction*. Washington, DC: World Bank Operations Evaluation Department.
- Ludwig Boltzmann Institute for Human Rights (ed.), 2001. *Combat of Trafficking in Women for the Purpose of Prostitution. Bosnia and Herzegovina. Country Report*. Vienna: Ludwig Boltzmann Institute for Human Rights (see <http://www.univie.ac.at/bim>).
- Mahony L.*, 1999. *Risking Return. NGOs in the Guatemalan Refugee Repatriation*. Uppsala: Life & Peace Institute.
- Mahony L., Eguren L.E.*, 2003. *Unarmed Bodyguards*. Connecticut, Kumarian Press.
- Matthies V.* (ed), 1995. *Vom Krieg zum Frieden. Kriegsbeendigung und Friedenskonsolidierung*. Bremen: Edition Temmen.
- Matthies V.*, 2000. *Krisenprevention. Vorbeugen ist besser als heilen*. Opladen: Leske & Budrich.
- Matthies V.* et. al., 2002. *Friedenskonsolidierung. Reihe EINE Welt, Stiftung Entwicklung und Frieden*. Bonn: Verlag J.H.W. Dietz.
- Mehler A., Ribaux C.*, 2000. *Crisis Prevention and Conflict Management in Technical Cooperation. An overview of the National and International Debate*. Wiesbaden: Universum Verlagsanstalt.
- Miall H., Ramsbotham O., Woodhouse T.*, 1999. *Contemporary Conflict Resolution: The Prevention, Management and Transformation of Deadly Conflicts*. Cambridge: Oxford: Polity Press.
- OECD/DAC, 1998. *Conflict, Peace and Development Co-operation on the Threshold of the 21st Century // Development Co-operation Guidelines Series: 48*. Paris: OECD.
- Perthes V.*, 2000. *Wege zum zivilen Frieden. Nachbürgerkriegsregionen im Vergleich // Blätter F. Deutsche und Internationale Politik*. H. 4, April. S. 445–455.
- Pinzler P., Vannahme J.-F.*, 2003. *Basar Bagdad // Die Zeit*. № 17, 16 April. S. 19.

- Petrtsch W.*, 2001. *Bosnien und Herzegowina 5 Jahre nach Dayton – Hat der Friede eine Chance?* Klagenfurt u.a.: Wieser-Verlag.
- Pugh M.* (ed.), 2000. *Regeneration of War-torn Societies // Global Issues Series.* London: Macmillan Press, NY; St. Martin's Press.
- Reimann C.*, 1999. *The Field of Conflict Management: Why does Gender Matter? // AFB-Texte. № 4.* Bonn: Arbeitsstelle Friedensforschung.
- Reimann C.*, 2001. *Engendering the Field of Conflict Management: Why Gender does Not Matter! Thoughts from a Theoretical Perspective // Peace Studies Papers, University of Bradford, Working Paper 2. January. P. 19–45.*
- Ropers N.*, 2000. *Die internen Akteure stärken. Krisenprävention und Konflikttransformation durch Friedensallianzen // Ziviler Friedensdienst / Ed. T. Evers. Opladen: Leske & Budrich.*
- Schloms M.*, 2001. *Humanitarianism and Peace. On the (im-)possible inclusion of humanitarian assistance into peacebuilding efforts // Paper 01–306.* Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung.
- Schneckener U.*, 2003. *Bosnien-Herzegowina: Der aufgezwungene Frieden // Den Frieden gewinnen. Zur Konsolidierung von Friedensprozessen in Nachkriegsgesellschaften. Reihe EINE Welt, Stiftung Entwicklung und Frieden / Eds. Mir A. Ferdowsi and Volker Matthies. Bonn: Verlag J.H.W. Dietz. P. 42–69.*
- Soros Foundation (ed.), 2001. *International Support Policies to SEE-Countries – Lessons (not) learned in Bosnia-Herzegovina,* (<http://www.soros.org.ba>).
- Spearman D.*, 1999. *Performance and Impact Indicators for Evaluating Projects and Progress towards Meeting the Commitments to Women, 1999–2001 // Annex to WFP Commitments to Women: Mid-term Review of Implementation, World Food Program.*
- Stuedtner P.*, 2001. *Die soziale Eingliederung von Kindersoldaten. Konzepte und Erfahrungen aus Mosambik // Berghof Report. Berlin: Berghof Research Center for Constructive Conflict Management. № 6.*
- Stubbs P.*, 2001. *Social Sector or the Diminution of Social Policy? Regulating Welfare Regimes in Contemporary Bosnia-Herzegovina // International Support Policies to SEE-Countries – Lessons (not) learned in Bosnia-Herzegovina / Ed. Soros Foundation. Chapter 8. (<http://www.soros.org.ba>).*
- Truger A.* (ed.), 2001. *Zivile Konfliktbearbeitung.* Munster: Agenda-Verlag.
- Ulrich S.*, 2001. *Entfesselte Blauhelme. UN-Sonderberichterstatterin prangert sexuelle Gewalt von Friedenssoldaten an // Süddeutsche Zeitung. № 11. April. S. 8.*
- United Nations High Commission for Refugees, 1997. *State of the World Refugees,* <http://www.unhcr.ch/cgi-bin/texis/vtx/publ>
- United Nations (eds.), 1996. *An Inventory of Post-Conflict Peacebuilding Activities, Department for Economic and Social Information and Policy Analysis.* UN, NY.
- United Nations Development Programme (UNDP) Evaluation Office (eds.), 2000. *Sharing New Ground in Post-Conflict Situations. The Role of UNDP in Support of Reintegration Programmes.* NY.
- Vogt M.A.*, 2000. *Preventing and Managing Conflicts: What Role for Women? Statement, Berlin, 8–9.5.2000 // Drittes Forum Globale Fragen. Gleichstellung in Politik, Gesellschaft und Wirtschaft. Berlin: Auswärtiges. Amt. P. 82–86.*
- Wood A., Aphorpe R., Borton J.*, 2001. *Evaluating International Humanitarian Action.* New York, NY; London: ZED Books in cooperation with ALNAP.
- Woroniuk B.*, 1999. *Gender Equality & Peace Building: A Draft Operational Framework.* Ottawa: Canadian International Development Agency.

Полезные ссылки в Интернете

- Active Learning Network for Accountability and Performance in Humanitarian Action (ALNAP) <http://www.Alnap.org>
- Bundesministerium für Wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung, Germany (BMZ) <http://www.bmz.de/>
- Bonn International Center for Conversion (BICC) <http://www.bicc.de>
- Canadian International Development Agency (CIDA) <http://www.acdi-cida.gc.ca>
- Caritas Suisse <http://www.caritas.ch/>
- Department for International Development (United Kingdom) DFID <http://www.dfid.gov.uk>

Deutsche Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit (GTZ) <http://www.gtz.de>
Direktion für Entwicklung und Zusammenarbeit, Schweiz (DEZA,) <http://www.eda.admin.ch/>
European Community Humanitarian Office (ECHO) <http://europa.eu.int/comm/echo/>
European Commission General Directorate Development <http://europa.eu.int/comm/development>
European Commission General Directorate External Relations (Relex)
http://europa.eu.int/comm/dgs/external_relations/
International Organization for Migration (IOM) <http://www.iom.int>
Organization for Economic Co-Operation and Development (OECD) <http://www.oecd.org>
OECD – Development Assistance Committee (DAC) <http://www.oecd.org/dac/>
Reflecting on Peace Project (Collaboration for Development Assistance CDA) <http://www.cdainc.com>
Relief Web <http://www.reliefweb.int/w/rwb.nsf>
Swedish International Development Cooperation Agency (SIDA) <http://www.sida.se>
United Nations Commission for Human Rights (UNCHR) <http://www.unchr.ch>
United Nations Development Program (UNDP) <http://www.undp.org/erd>
United Nations High Commission for Refugees (UNHCR) <http://www.unhcr.ch>
United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA)
http://www.reliefweb.int/ocha_ol/index.html
United Nations Office for Project Services (UNOPS) <http://www.unops.org>
United Nations Research Institute for Social Development (UNRISD) <http://www.unrisd.org>
UNRISD – War-torn Societies Project <http://www.wsp-international.org/>, <http://www.unrisd.org/wsp>
United States Agency for International Development (USAID) – Office of Transition Initiatives
<http://www.usaid.gov>
Women Building Peace Campaign (International Alert) <http://www.international-alert.org/policy/women.htm>
Women, War and Peace http://www.unifem.org/index.php?f_page_pid=149
World Bank – Conflict Prevention and Reconstruction Unit (CPR) <http://www.worldbank.org/conflict,>
<http://developmentgateway.org>
World Bank – Post Conflict Unit <http://www.worldbank.org/postconflict>